

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ СЛАВЯНСКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ НА АФОНЕ: ИСЧЕЗНУВШИЙ ДРЕВНЕРУССКИЙ СПИСОК СТУДИЙСКОГО УСТАВА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XII в.

Вопрос о начале славянского богослужения на Афоне напрямую связан с появлением там славянских монастырей, и в частности русского. На первом этапе развития отечественной историографии было распространено представление об основании первой русской обители на Афоне стараниями великого князя Ярослава или даже великого князя св. Владимира, т.е. в конце X – первой половине XI в.¹ Научная публикация в 1873 г. русскими византистами актов Русского монастыря св. Пантелеймона положила начало объективному изучению его истории². Между тем в греческой монашеской среде Афона к XIX в. распространилось убеждение о первоначальной связи «Россикона» не с русскими иноками, а с сербскими. Эта точка зрения отражена в многочисленных публикациях греческих исследователей первой четверти XX в., которые М.В. Бибилов оценивает скорее как «политические выступления, отказывающие русским в праве на существование на Афоне их обители», чем действительно научные исследования³. Конец этому направлению в историографии был положен А.В. Соловьевым, который на основе анализа афонских актов показал принадлежность в XII в. Пантелеймонова монастыря русским монахам⁴.

Новые усилия исследователей, направленные на изучение документальных источников Русского монастыря на Афоне, привели к существенному изменению трактовки вопроса о времени его возникновения. Значительный вклад в изучение этой проблемы внес В.А. Мошин, рассматривавший историю русского монашества на Афоне в контексте русской истории⁵. В его интерпретации уже в первой половине XI в. монастырь Ксилургу принадлежал русским монахам. Его запустение, описанное в акте 1142 г., с точки зрения исследователя, сильно преувеличено. В это время в монастыре даже сущест-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб. Т. 1–6. 1818–1829. Т. 6. Примеч. 629. С. 165; Ундольский В. Краткая историческая записка о монастыре русском святого великомученика Пантелеймона, находящемся на святой Афонской горе // ЧОИДР. М., 1846. Кн. 4. Отд. 4. С. 11–12; Григорович В. Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 93; Макарий (Булгаков), митр. Московский. История русской церкви. М., 1857 (2-е изд. М., 1995. Кн. 2. С. 114).

² Акты Русского на св. Афоне монастыря св. ... Пантелеймона. Киев, 1873.

³ Бибилов М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 166–167.

⁴ Soloviev A. Histoire du monastère Russe au Mont-Athos // Byzantion. 1933. Т. 8. Р. 213–238.

⁵ Мошин В.А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Byzantinoslavica. Prague, 1947. Т. 9. N 1. Р. 54–85; 1950. Т. 11. N 1. Р. 32–60; Он же. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // Русь и южные славяне. Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина. СПб., 1998. С. 53–54.

вовал скрипторий, в котором с болгарских и македонских оригиналов создавались русские списки. М.В. Бибииков, посвятивший значительную часть своего исследования исчерпывающему анализу всех сохранившихся свидетельств о русском присутствии на Афоне, также придерживается мнения о полноценном функционировании Русского монастыря, как минимум, с 1030 г., когда Ксилургу впервые упоминается в акте о покупке частных келий⁶. Однако он отмечает преувеличение В.А. Мошиным величины сделки, в которой участвует монастырь, и полагает, что «мы имеем дело с небольшой покупкой (одной из первых для Русского монастыря!) нескольких келий, оставленных по завещанию»⁷. Г.Г. Литаврин также поставил под сомнение благополучие монастыря времени составления Описи 1142 г.: «Опись Ксилургу как раз свидетельствует о былом процветании и последующем крайнем оскудении... Значительно превышавший потребности монастыря излишек богослужебных книг свидетельствует о слабой связи монахов с родиной, а значит – и об уменьшении вкладов и притока новых иноков»⁸. В последней обобщающей работе, касающейся истории русского монашества на Афоне, о времени перехода первого монастыря Ксилургу к русским монахам сказано осторожно⁹. Отмечается, что в первом упоминании монастыря Ксилургу в акте 1030 г. не указывается национальность братии. При характеристике Описи Ксилургу 1142 г. отмечается наличие 49 «русских книг», но ошибочно отрицается существование там греческих кодексов. Констатируется, что лишь в акте 1169 г. Ксилургу названа «обителью русских». К середине XIII в. в результате монголо-татарского нашествия связи с Русью сократились настолько, что монастырь перешел к сербским монахам¹⁰.

Действительно, лишь согласно акту 1169 г., монастырю Ксилургу, впервые названному «русским» (καθηγουμένον τῶν ῥωσῶν τῆς Μονῆς, τῆς Μονῆς τῶν Ῥώσ)¹¹, был передан еще один запустевший греческий монастырь св. Пантелеймона, основанный не позднее 1009 г.¹² Ни один из предыдущих актов, в том числе акт № 6 – Опись имущества монастыря Ксилургу 1142 г. – не указывает на принадлежность монастыря русским монахам. Нахождение в нем «русских вещей» свидетельствует о присутствии среди братии русских монахов. Однако, согласно Описи, их вещи, специально выделенные в документе, составляют лишь малую часть от общего имущества монастыря. Именно выделение в нем «русских вещей», на наш взгляд, свидетельствует о принадлежности остальной, большей, части имущества греческим монахам. Таким образом, возникновение первого русского общежительного монастыря на месте запустевшей греческой обители Ксилургу можно относить ко времени между 1142 и 1169 гг. Однако просопографические данные свидетельствуют и о иных процессах. Известна подпись «игуме-

⁶ Акты Русского на св. Афоне монастыря... Акт 1; Бибииков М.В. Византийские источники... С. 186–188.

⁷ Бибииков М.В. Византийские источники... С. 188.

⁸ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII в. // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. Сборник статей. СПб., 2001. С. 507–508.

⁹ Максимович К.А., Турилов А.А. Афон и Россия // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 147.

¹¹ Акты Русского на св. Афоне монастыря... С. 78, 80.

¹² Petit L. Actes de Chilandar // BB. 1911. T. XVII. № 1. С. 1.

на русского монастыря» Герасима под грамотой Николая, игумена монастыря св. Ильи от 1016 г.¹³ Это древнейшее упоминание русских на Афоне. Кроме того, М.В. Бибииков указывает на существование русского писца акта прота Павла от апреля 1081 г., поставившего под ним свою подпись¹⁴. Имя писца сохранилось плохо (его трактуют как Кириак или Кирилл, или даже Иоанн), но определение русский вполне очевидно.

Несомненно, что появление первого общежительного монастыря в середине XII в. не исключает присутствие русских монахов в греческих монастырях и даже существование самостоятельных небольших келлиотских, особенножительных, обителей (*ιδιούρρυθμόν*)¹⁵ в более раннее время. Келлиотские монастыри издавна существовали на Афоне. Борьба за отказ от этой формы монашества и переход к общежительному уставу была начата еще Афанасием Афонским и продолжалась на протяжении длительного времени. Полагаем, что именно такой небольшой монастырь мог представлять игумен Герасим, поставивший свою подпись под актом 1016 г. Несмотря на ошибки в написании названия обители (*ἡγουμενοῦ μονιῶ τοῦ ρῶσ*), которые, очевидно, подтверждают негреческое происхождение писца, оно вполне могло принадлежать небольшому келлиотскому монастырьку с несколькими русскими иноками. Иного монашеского образования менее, чем через 30 лет после официального принятия христианства на Руси, представить невозможно. Не случайно первое свидетельство в русских источниках о паломничестве на Афон – летописный рассказ о поездке туда и пострижении ок. 1051 г. основоположника русского монашества св. Антония Печерского – не упоминает о присутствии на Афоне других русских монахов и тем более о существовании русского монастыря¹⁶. Антоний принимает постриг в одной из греческих обителей и переносит благословение авторитетного греческого игумена на Русь. Отсутствие каких-либо свидетельств о монастырьке игумена Герасима говорит о недолговечности келлиотских монашеских образований XI в. Однако нет ничего удивительного в том, что время от времени, подобно преп. Антонию, на Афоне подвизались отдельные русские иноки, среди которых был и писец акта 1081 г., носивший прозвище «русский».

Почти такой же представляется и ранняя история болгарского и сербского монашества. Болгарские иноки могли появиться на Афоне практически сразу после принятия христианства в Болгарии (865), однако первое достоверное упоминание о болгарском Зографском монастыре – подпись его игумена Симеона – встречается только в упомянутом выше акте 1169 г. о передаче монастыря св. Пантелеймона русской обители Ксилургу¹⁷. Основание первого сербского общежительного монастыря на Афоне хорошо отражено в источниках: пришедший в 1191 г. в русский монастырь св. Пантелей-

¹³ Lemerle P., Guillou A., Svoronos N. Actes de Lavra. Vol. 1. P., 1970. 19.37.

¹⁴ Бибииков М.В. Византийские источники... С. 194; Bompaire J. Actes de Xéropotamou. P., 1964. N 6. P. 64.

¹⁵ Об идиоритмах см.: Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. С. 279–280.

¹⁶ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М., 1997. Стб. 156–157.

¹⁷ Акты Русского на св. Афоне монастыря... С. 78. Анализ всех свидетельств о ранней истории болгарского монашества на Афоне см.: Турилов А.А. Афон и Болгария // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 170–171.

мона сербский царевич Савва основал в 1198 г. вместе с отцом Симеоном монастырь на месте древней заброшенной греческой обители Хиландар¹⁸.

Богослужение и дисциплинарные правила общежительных монастырей на Афоне в конце X–XII в. определялись константинопольским монастырским Студийским уставом¹⁹. Несомненно, древнейшее богослужение находившихся там болгар, русских и сербов не просто регулировалось Студийским уставом, но и проходило на греческом языке. Это относится и к славянской братии, подвизавшейся в греческих монастырях, и к первым небольшим славянским келлиотским монастырькам. При всей типологической схожести процесса возникновения первых трех крупных общежительных славянских монастырей на Афоне существовало различие, определявшее характер их богослужебных текстов и книг. Скорее всего, для болгарских монахов первого общежительного Зографского монастыря богослужение продолжало вестись по-гречески. В.А. Мошиным была сформулирована гипотеза эллинизации богослужения в Болгарии вскоре после ее завоевания Византией в 1018 г., которая позволяет объяснить почти полное отсутствие памятников болгарской письменности в период господства в этих землях Византии. «Вероятно и на Афоне в XI и особенно в XII в. проводилась эллинизация, в особенности в отношении болгарского монастыря... Монастырь Зограф не имеет в своем архиве ни одного акта, в котором монастырь назван “болгарским” до царя Асеня II (1230 г. ...). Возможно, что только тогда Зограф снова был возвращен болгарам после 200-летнего греческого владычества. Следует подчеркнуть, что ни в Зографе, ни вообще на Афоне славянская письменность не сохранилась в виде непрерывного целого от X в. и что на протяжении периода до XIII в. мы находим или редкие отдельные памятники, как Зографское евангелие, или случайные отрывки»²⁰. Основание другого славянского монастыря – сербского Хиландара – уже на рубеже XII–XIII вв. происходило в момент формирования нового сербского государства, освободившегося от византийского владычества. Новым реалиям соответствовали и новый корпус славянских богослужебных текстов и книг, отличающийся от предшествующего периода. Типикон, данный Хиландару в 1199 г. его основателем Саввой, был чрезвычайно близок к Евергетидскому типикону, который зафиксировал уже новые, неосавваитские, веяния, проникшие в студийскую богослужебную и дисциплинарную практику²¹. Ему должен был соответствовать и комплект новых богослужебных текстов, впервые появившийся в Хиландаре.

Таким образом, древнейшее богослужение на славянском языке на Афоне в XII в. могло быть связано лишь с русским монастырем. И действительно, именно в Описи имущества монастыря Ксилургу 1142 г. среди массы греческих предметов и документов мы впервые встречаем упоминание «русских» вещей, включающих «русские» книги (βιβλία ρούσικα)²². Это дает основание ряду исследователей делать вывод о принадлежности этого мона-

¹⁸ Подробную библиографию см.: Турилов А.А. Афон и Сербия // Православная энциклопедия. Т. I. С. 170.

¹⁹ Taft R. Mount Athos: A Late Chapter in the History of the Byzantine Rite // *Dumbarton Oaks Paper*, 42. Washington, 1988. P. 182–184, 190.

²⁰ Мошин В.А. О периодизации... С. 54.

²¹ Taft R. Mount Athos... P. 190.

²² Акты Русского на св. Афоне монастыря... С. 54.

стыря русским и о существовании славянского богослужения в нем уже в первой половине XII в. Однако сама Опись об этом явно не свидетельствует. Кроме того, анализ репертуара упоминаемых рукописей также не дает оснований для такого предположения: среди книг полностью отсутствуют славянские списки Евангелия, Служебника, Требника²³, Триоди, без которых богослужение невозможно. Значительная часть книг могла быть в частном, келейном, пользовании монахов (5 Псалтырей, 5 Часословов, 5 Апостолов). Наличие списков Октоиха, Ирмология и Минеи говорят о том, что часть песнопений в ходе греческого богослужения могла исполняться по-славянски (это обычная практика восточных монастырей для компактных групп иноязычных монахов, сочетающаяся с чтением Евангелия и основных молитв на греческом языке). Однако это вовсе не является свидетельством о проведении в это время всего богослужения на славянском языке или о наличии славянской книгописной мастерской²⁴.

Мы полагаем, что Опись имущества 1142 г. запустевшего и оскудевшего греческого монастыря Ксилургу могла быть составлена специально в преддверии передачи ее русским монахам, которые, видимо, задолго до этого обосновались среди греческой братии. К 1169 г. монастырь уже принадлежал русским монахам, процветал и даже имел средства расширить свои владения путем приобретения еще одного запустевшего греческого монастыря св. Пантелеймона. Наиболее вероятно, что именно между 1142 и 1169 гг. богослужение могло перейти на славянский язык. Как только новая обитель была обустроена и заселена увеличившейся братией, появилась потребность в пространным тексте Устава на славянском языке, регулирующем не только богослужебные, но и дисциплинарные порядки разросшегося общежительного монастыря. Аналогичный процесс фиксируется «Повестью временных лет» в описании становления Киево-Печерского монастыря²⁵. Вопрос о первом славянском уставе монастыря и комплекте славянских богослужебных книг представляется нам одним из важнейших для характеристики древнейшего русского монашества на Афоне и его связи с Русью. Вероятно, в нашем случае речь идет о появлении Устава в монастыре св. Пантелеймона в 1170–1180-е годы.

До недавнего времени было известно о существовании в Зографском монастыре еще в начале XX в. отрывка из пергаменной древнерусской рукописи Студийского устава, содержащей регламентации из дисциплинарной части для Филиппова поста. М. Лисицын, располагавший фотографией одного из листов, датировал его XIII в. и считал, что он «представляет буквальное сходство с № 330 Моск. Син. б., ... л. 206»²⁶. После Первой мировой войны отрывок исчез. Однако мы обязаны выдающемуся русскому литургисту А.А. Дмитриевскому сохранением текста отрывка: *Зограф-*

²³ Среди греческих вещей, хранящихся в алтаре, упоминаются украшенные серебром два греческих напрестольных Евангелия и Евхологий (которому соответствуют славянские Служебник и Требник), являющиеся основными литургическими книгами.

²⁴ Мошин В.А. О периодизации... С. 54.

²⁵ Уханова Е.В. Древнерусские списки Студийского устава и проблема богослужения Древней Руси XI–XIII вв. // *Liturgische Hymnen nach Byzantinischen Ritus bei den Slaven in allerer Zeit*. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007. S. 74–103.

²⁶ Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон: Историко-археологическое исследование. СПб., 1911. С. IX, 199. Примеч. 75. Илл. 41.

Рис. 1. Зографский фрагмент, пропавший в начале XX в. Из кн.: Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. Приложения. СПб., 1911. Илл. 41

ский фрагмент, состоящий из двух листов рукописи с текстом дисциплинарной части Студийского устава Алексеевской редакции, до пропажи был полностью переписан для Дмитриевского, и сейчас копия начала XX в. хранится в архиве ученого в РНБ²⁷. Кроме того, М. Лисицын в своей монографии опубликовал фотографию одного листа. Поэтому мы имеем возможность судить в общих чертах как о редакции текста, так и о почерке Зографского фрагмента.

Несколько лет назад нам удалось отождествить еще один отрывок, принадлежащий той же рукописи, что и Зографский фрагмент. Это один пер-

²⁷ РНБ. Ф. 253 (архив А.А. Дмитриевского). Ед. хр. 137. Л. 1–2.

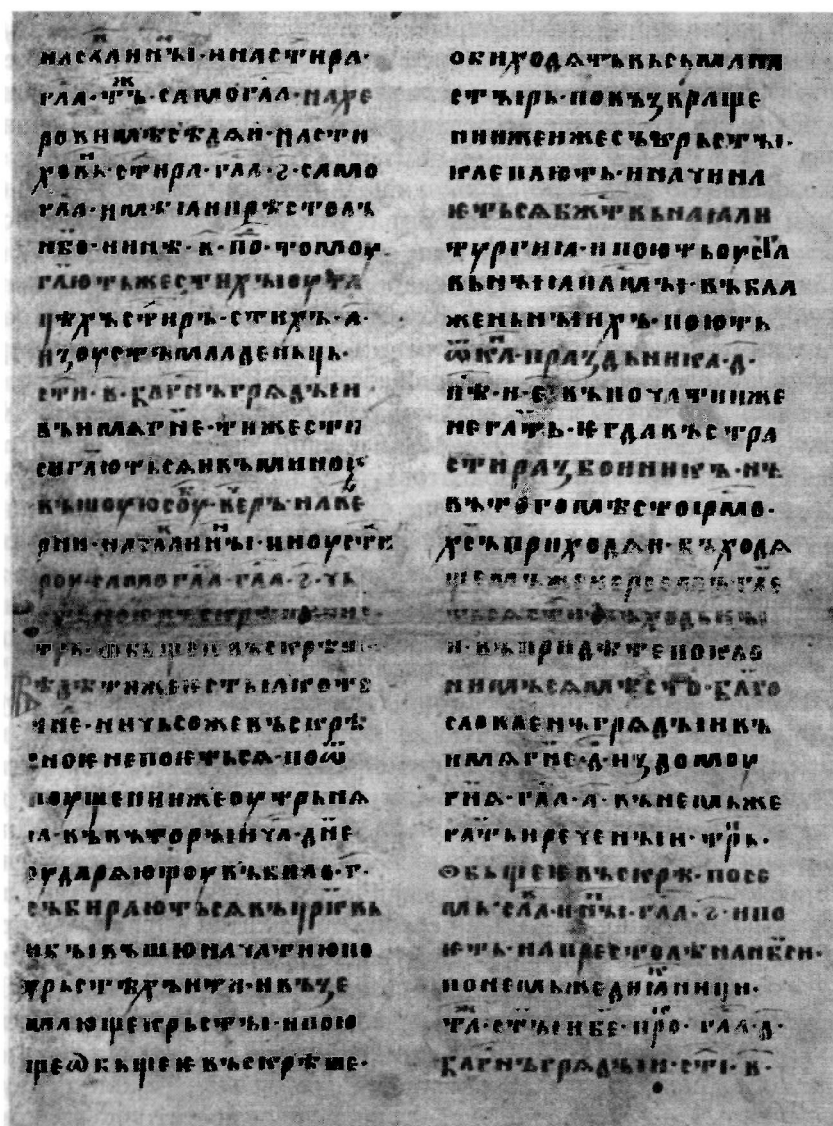

Рис. 2. Барсовский фрагмент. ГИМ. Барс. 1153

гаменный лист, хранящийся в ГИМ, собрание Барсова № 1153²⁸. Он содержит фрагмент текста с богослужебными указаниями из Канонаря Студийского устава Алексеевской редакции от утрени Цветной недели до утрени Великого Понедельника. После тщательного палеографического и кодикологического анализа мы пришли к выводу, что *Барсовский* и *Зографский* фрагменты принадлежат одной рукописи: совпадают особенности начертания букв, размеры и число столбцов (на фотографии *Зографского* фрагмента поля рукописи обрезаны, поэтому сравнение общего размера листов не-

²⁸ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 283. № 317.

возможно), число строк, судьба отрывков после расплетения кодекса – оба они служили защитными листами или обложками для других рукописей. По имеющимся у нас данным можно уверенно реконструировать как облик самого кодекса, так и особенности редакции, содержащегося в нем Студийского устава.

Нахождение *Зографского отрывка* на Афоне свидетельствует о бытовании там всего кодекса, но не говорит о том, когда он там появился. На *Барсовском* же *отрывке* (нижнее поле листа 1 об.) есть помета XVI в., написанная наполовину греческими, наполовину славянскими буквами, – *хоицоуни*²⁹. Она свидетельствует о том, что уже в XVI в. рукопись находилась в греко-славянской среде, которую в нашем случае можно уверенно трактовать как славянский монастырь на Афоне. Кроме того, там же находится и запись на русском языке высококаллиграфичной скорописью XVI в.: *† мл(с)тнѡ(м) вѣнѡ(м) ѿ ѡ вл(д)ѡн(с) да(т-?)*. Ее, вероятно, можно рассматривать как своеобразную пробу пера, подготовку к написанию важного документа. Это также хорошо вписывается в наше предположение о нахождении в это время рукописи на Афоне. XVI век был не лучшим для русских монахов на Святой горе. Русский монастырь св. Пантелеймона был в запустении, а единицы русских монахов жили у своих славянских братьев, в частности в Зографском монастыре. На рубеже XV–XVI вв. были установлены официальные контакты Афона с Русской митрополией³⁰, участились приезды в Москву афонских монахов, в том числе и в поисках материальной поддержки. Есть вероятность, что оставленные на наших листках пробы пера могли быть подготовкой к написанию документов, связанных афоно-русскими контактами. Для нас очевидно, что рассматриваемая нами рукопись (будем называть ее *Афонский кодекс*) попала на Афон гораздо раньше XVI в., когда она, возможно, была уже расплетена и могла использоваться для черновых набросков. Несомненно, она должна была появиться там, когда Студийский устав был актуален для монашеского общежития. Мы вправе предполагать, что рукопись появилась в единственной русской обители – монастыре св. Пантелеймона – вскоре после ее создания во второй половине XII в. (с начала XIII в., как показывает Хиландарский типикон 1199 г., были актуальны уже другие редакции устава).

Судя по сохранившемуся *Барсовскому фрагменту*, реконструируемый нами утраченный *Афонский кодекс* был написан на достаточно тонком пергамене хорошей выделки. Однако использование его листов в качестве защитных или обложки для других рукописей меньшего размера сильно испортили пергамен, а в некоторых случаях и текст. Пергамен пожелтел, загрибел, стал толще. Внешняя сторона листа имеет сильное загрязнение. Листы обоих фрагментов были сложены поперек пополам, каждый в районе 16–17-й строк. В этом месте листы имеют самое большое загрязнение, а также сильную потертость пергамена и отверстия от сшивки для позднего переплета. *Зографский фрагмент*, судя по фотографии и лакунам текста в ко-

²⁹ Датировка греческой части принадлежит Б.Л. Фонкичу, которому мы приносим искреннюю признательность за помощь. Такая датировка вполне справедлива и для славянской части пометы.

³⁰ Турилов А.А. Русско-афонские связи в XI–XVII вв. // Православная энциклопедия. Т. I. С. 149–150.

пии А.А. Дмитриевского, имел существенные утраты пергамена в месте сгиба, а также был покороблен и очень сильно загрязнен в верхней части листа и на правом поле. *Барсовский фрагмент* сохранился лучше, хотя до реставрации он не мог быть распрямлен и хранился сложенным пополам. Даже после реставрации сохраняют вдавленные следы от кодекса в четвертую долю листа, которому он служил обложкой. После обрезки полей величина листа составляет 27,0 × 21,3 см. Надо отметить, что правое поле сохранило частично следы наколов для разлиновки. Это позволяет говорить нам о том, что в ширину лист обрезан незначительно и его реальный размер был на 2–4 см больше. Разлиновка по шерстной стороне пергамена в два столбца по 28 строк видна плохо, что свидетельствует, вероятно, о том, что проводилась по нескольким листам сразу. Как известно, разлиновка пергаменных славянских рукописей заметно отличается от греческих аналогов, поэтому соответствия для нашей рукописи в схемах разлиновки Леруа³¹ мы не нашли, так же, как и нет ей полного соответствия в схемах, предложенных А. Джуровой³² для южнославянских кодексов. Однако, если пользоваться предложенной А. Джуровой системой для обозначения типов славянских разлиновок, разлиновку *Барсовского фрагмента* можно представить как 1+(1+1)+1 1/1 или 1/2 (горизонтальные линии, ограничивающие столбцы сверху и снизу, видны очень плохо). Зеркало текста – 21,5 × 16,5 см, трафарет разлиновки 21,2 × 15,5 см, высота 10 строк – 7,8 см.

Буквы пишутся на строке, наклон отсутствует. Почерк профессиональный, однако каллиграфичным его назвать нельзя: отдельные перекладки и мачты букв несимметричны другим или выполнены неровно, отсутствуют украшения букв, а принцип сочетания волосяных и толстых линий реализуется редко, поскольку писец пользуется толстым пером. Палеографические приметы позволяют датировать рукопись второй половиной XII в. (началом XIII в. – ?). К датирующим архаичным начертаниям (конца XI – первой половины XII в.) можно отнести написание *ω* с высокой серединой и немного разведенными петлями, *ψ* с полукруглой симметричной глубокой чашечкой, один из вариантов *в* с разведенными круглыми петлями, *ѡ* с небольшой полукруглой петлей, *ѣ* с хвостом, как у «тройки», направленным вниз и вперед, *м* с двумя плечиками, *ѣ* с острой чашечкой и длинным хвостом. Сочетание *ѡт* пишется в виде лигатуры *ѡ̃*, лигатура *ѣ* не встречается и даже на конце строки пишется диграф *ѣѣ*. *Ж* выполнена в четыре дукта – вертикальная мачта, полукруглая чашечка и две касательных к ней, иногда соединенные в верхней точке мачты. Аналогичные начертания появляются уже в памятниках первой половины XII в. – в Мстиславовом евангелии (начало XII в.), Юрьевском евангелии (1119–1128) и регулярно употребляются в Галицком евангелии (1144). До сих пор бытует мнение, что появление наклона влево у перекладки буквы *и*, а также подъем перекладин у *м* и *н* (первые два признака встречаются в нашей рукописи регулярно, а второй часто) служат основанием для датировки рукописи XIII в. Однако это не так: регулярное высокое соединение у *м* мы можем

³¹ Leroy J. Les types de réglure des manuscrits grecs // Institut de Recherche et d'Histoire des Textes. Bibliographies – Colloques – Travaux préparatoires. P., 1976.

³² Джурова А. Въведение в славянската кодикология. Византийският кодекс и рецепцията му сред славяните. София, 1997. С 96–98.

видеть уже в древнейших рукописях – Остромировом евангелии 1056 г. и Изборнике Святослава 1073 г., что объясняется удобством именно такого соединения с а, у основания ее петли. И с несколько наклоненной влево перекладиной начинает иногда встречаться уже в Галицком евангелии 1144 г. и Добриловом евангелии 1164 г. В последнем памятнике регулярно пишется и высоко поднятая перекладина у н. О датировке рукописи не ранее второй половины XII в., вероятно, свидетельствует и довольно плотное письмо, не свойственное большей части древнейших рукописей. Однако вряд ли есть основания датировать нашу рукопись более поздним временем: регулярное, но иногда ошибочное, обозначение редуцированных гласных (*взпълзъша, мѣдъмъ*) в сочетании с употреблением нестяженных форм прилагательных и причастий (*цѣломоудѣннаго, речепаго, призваннѣмъ*) лингвисты обычно датируют второй половиной (не позднее конца) XII в.

К числу особенных черт, характеризующих почерк писца *Афонского кодекса*, относится ѣ с перечеркнутой тонким штрихом правой мачтой, ѡ с правой дугой, окончание которой размашисто загнуто вверх влево на ширину всей буквы, отсутствие узкого о и широкое о с точкой посередине в начале инципита, узкое д, левая ножка которого крепится не к горизонтальному основанию, а непосредственно к идущей вверх мачте, к с почти горизонтальной верхней перекладиной³³.

Язык сохранившихся фрагментов – церковнославянский древнерусского извода – не содержит диалектизмов, которые позволяли бы уточнить место создания рукописи. Однако наши наблюдения над почерками ранних русских рукописей позволяют отнести *Афонский устав* к южнорусской книгописной школе. По типу почерка и отдельным начертаниям к *Афонскому кодексу* чрезвычайно близки Бычковская псалтырь конца XI (начала XII ?) в. и Юрьевское евангелие (1119–1128). Почерки всех трех кодексов характеризуют продукцию южнорусской школы монастырских скрипториев, вероятнее всего, киевских. Не случайно, что одна из этих рукописей оказалась в монастыре на Синае, другая – в монастыре на Афоне, третья – в княжеском монастыре в Новгороде. Текстология *Афонского кодекса* также свидетельствует в пользу его создания на Руси, а не на Афоне. Во-первых, с логической и канонической точек зрения вполне естественно сделать список с уже переведенного и одобренного высшими церковными иерархами текста, который появился в Киеве намного раньше, чем на Святой горе. Во-вторых, в рукописи имеется правка, делающая пост еще более строгим: в указании о разрешении в 3-ю неделю Великого поста рыбы слово «рыба» выскоблено и заменено на «масло». Такая же правка сделана и для праздника св. Алексея³⁴. Это скорее свидетельствует о том, что список был написан в месте с менее строгими правилами для поста, чем Афон. В противном случае распространенная более строгая норма была бы внесена в текст уже при переписке.

Что касается особенностей текста, то нами установлено, что *Афонский кодекс* отражает ту же редакцию перевода Студийского устава в редакции

³³ Из перечисленного списка только широкое о с точкой не встречается на опубликованной фотографии *Зографского фрагмента*, что объясняется отсутствием в этом фрагменте текста инципита.

³⁴ РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 137. Л. 1.

патриарха Алексея, которая представлена в более ранней и более полной рукописи РНБ, Соф. 1136 (конец 50-х–60-е годы XII в.³⁵). Эту редакцию перевода мы гипотетически связываем с вероятной правкой богослужебных книг, которая могла проводиться при митрополите Константине в середине XII в. Новый киевский митрополит Константин, прибывший на Русь из Константинополя в 1156 г., был послан на Русь после правления неканонически поставленного в Киеве русского митрополита Климента Смолятича и эпохи длительной борьбы иерархов Русской церкви. Его миссией была борьба с «ослушниками», устранение поставленных во время «смуты» иерархов, проверка и восстановление канонических порядков. Он мог инициировать проверку существующих монастырских уставов, повлекшую появление новой редакции уже существовавшего перевода Студийского устава в редакции патриарха Алексея.

Итак, мы полагаем, что частично сохранившийся список *Афонского кодекса* был одним из первых (если не единственным) списком славянского перевода Студийского устава в новом образованном общежительном русском монастыре св. Пантелеймона. Место и время создания этого списка – вероятно, один из киевских монастырских скрипториев 70-х–90-х годов XII в., его текст – Софийская редакция перевода Студийского устава в редакции патриарха Алексея. Если это так, то для ранней истории русского монашества на Афоне мы можем констатировать движение текстов не только с Афона на Русь, но и в обратном направлении. Мы также можем говорить о том, что богослужение и монастырская практика монастыря св. Пантелеймона на Святой горе в целом не отличались от общерусской практики. Афонский список устава полностью подтверждает мнение Роберта Тафта о господстве на Афоне в XII в. *Студийского устава* и опровергает необоснованную реконструкцию А.М. Пентковского особой Афоно-Студийской редакции, отличающейся от собственно студийской практики³⁶.

³⁵ См.: Уханова Е.В. Древнерусские списки Студийского устава...

³⁶ Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 142–146.